

Иван Горденович (2)

Ох заводилосе пирóваньё-столóваньё
Да у ласкова князя да у Владимира,
Заводилосе пирóваньё, почесен пир.
И вот нынче сидят все гости званья,
Все сидят бы нынче там люди добрыя,
Ой промежу собой бы нынче до похваляютсе.
Сидят бы богáтыри могучия,
То бы нынче поляни́цы да приудалыё.
Как новóй бы нынче хвастат да конём добрым,
Да другой бы похвалятся да золотой казной,
Да новóй бы понахвастат силóй богатырской,
А ведь нóвой похвалятся удачей молодецкой.
Да бы все сидят ребята да потешаются,
Все там голубы собою да выхваляются,
Тут один бы детинушка не пьёт, не ест,
Он ничем бы, детина, жа не похвалитсе.
Он повесил бы, детина, да буйну голову,
Потупил бы свои нынь очи ясныё.
Тут выходит наш Владимир красно солнышко,
Он каблук бы о каблук сам да поколачивает,
Он бы ясныма глазами да всё розваживат,
Как бы белыма руками да прирозмахиват,
Тихо-смирную речь да выговариват:
«Кабы все бы нынь сидели да гости званья,
Все сидят бы нынь гости да похваляютсе,
Промежду бы нынь собой всё похваляютсе.
Как один у нас бы гость да он не пьет, не ест,
Он не пьёт бы, не ест, да он не тешитсе,
Да ничем бы детина не похваляется,
Те по имени Иван сударь Горденович.
Еще что же нынь тебе ныне не пó уму,
А в чем же ныне молодца óбнесли,
А и чем же молодца да приобхúлили?
Да у тя нету разве ныне да коня доброго,
У тя нету разве седёлка да бурзомецкого,

У тя нету нынче штыка да ныне острого,
У тя нету разве сабли да у тя острой,
У тя нету разве палицы буёвой,
Разве у тя нету каленóй стрелы,
Каленóй бы стрелы, да нет тугá лукá,
У тя нету разве ныне да красна золота,
У тя нету разве ныне да скатна жемчуга?
У тя есть бы рóдна матушка,
У тя нету только нынче да молодой жены».
Вот тогды бы наш детинка выговаривал,
Тут ставал тогды детинка да на резвы́ ногí,
Говорил тогды детинка да таковы слова:
«Есть у меня бы нынь, у молодца, и добрый конь,
У мя есть бы приправа всё богатырская,
Есть бы всё у мя ныне да чистого сéребра,
У мя есть бы нонь, у молодца, красного золота,
Еще есть и у меня да скатна жемчуга,
У мя есть бы удача да молодецкая,
Еще есть бы у мя нынь да сила богатырская,
У мя есть бы да рóдна матушка,
Только нету у меня нынь молодой жены.
И захотелось бы мне, детинушке, жениться,
Захотелось мне, детинушке, повенчатися.
Я бы знаю бы себе да богосужену,
Богосужену себе бы, богоряжену,
Богосужену себе бы, богоряжену,
Она собой-то статна да лицом белая,
А снаряжена она во чисто сéребро.
У ней нынче глаза как ясна со́кола,
Да ресницы бы у ей да как черна вóрона,
Да насквозь бы нынче видны у ей мóзги-ти,
Как словно из косточки в косточку переливаются.
У того же бы у Федора Чернигского,
У его же есть две дочери любимые:
Быть бы старшая да та сильна поляни́ца приудалая,
Да бы меньшая бы в самый мне-ка в самый раз.
Я на меньшей хочу бы ныне да повенчатисе,
Еще с ей бы, нынче бы, с девицей, погулятисе».
Отвечат тогды у нас красно солнышко,

Что по имени Владимир наш уж батюшка:
«Если хочешь ты жениться теперича,
Ты когда же бы будешь на ей свататься,
Ты когда же бы будешь да нынь венчатисе?» —
«Я хочу теперь, Владимир-князь, я посвататься,
Мне-ка дай мне-ка сватом нынь Добрынюшку,
Да бы тысяцким дай да мне стара Илья Муромца,
Да еще дай ты в поезжана Дуная сына Ивановича,
Еще дай-ка Алешеньку Поповича».

Ну и стали тут ребята да сряжатисе,
Да бы стали тут ребята да сподоблятисе.
Они брали бы вина да сороковками,
Как бы сладкого меду да они бочками.
Отправлялись ребята да во чисто поле
Да по ту же невесту да богосужену,
Богосужену невесту, да богоряжену,
Как к тому бы ли царю да ко Чернигскому,
Как по ту же бы девицу да душу красную,
Да по имени зовут Маремьянушкой,
По извотчине называют да как бы Федоровной.
Они ехали тут день да ночь до вечера,
Они ехали всю ночку до белá светá,
И наутро они, ребята, да становилисе.
Как поставили шатры белополóтняны,
Они стали пировать, они теперь столовать.
Они много пировали — да трое суток,
На четвертые бы сутки да пробужалисе,
И тут ставал бы Иван да сын Горденович:
«Уж вы гой еси, богáтыри могучие!
Не пора ли нам бы ехать да ныне свататьсе
Да на той ли Маремьяне да нынче Федоровны?»
Говорил тут Иван да таковы слова:
«Нынь поедет у нас Добрынюшка тут свататьсе.
Коли пойдет она тут честью — возьмем с радостью,
Не пойдет она тут честью — да возьмем нечестью».

И суряжался-снаряжался тут добрый молодец,
Он уздал бы, седлал тут коня да доброго,
Он бы взял с собой приправу всю богатырскую,
Он поехал, наш Добрыня, да во чисто поле

Ко тому бы нынь царю да ко Чернигскому
Да по ту же Маремьяну да нынче Федоровну.
Только не видели поездки да молодецкой
И не слышали поступки же богатырской,
Только видели: во поле да куревá стоит,
Курева-то-те стоит, да дым столбом валит.
Он не спрашивает в воротах приворотников,
Он разъезживал своего да коня доброго,
Он скакал бы через стену да городóвую,
Поезжал бы он к крылечику прекрасному,
Ко прекрасному крылечику ко царскому,
Становил-то нынь да коня доброго,
Не приказывал коня да не привязывал,
Он по лесенкам теперича поступывал —
Лесенки под им да подгибаются,
Да от рук бы реюшки шатаются;
Он не спрашивает у двери все придверников,
И не спрашивает у ворот и приворотников,
Он идет бы теперь да в гридню светлую
Ко тому бы нынь царю да бы Чернигскому.
Тут заходит он во гридню да низко кланяется
Да о все бы он четыре да нынче стороны,
Самому бы царю да на особицу.
И тут спрашивает бы царь ныне Черниговский:
«Ты откуль ты нынь, удалый добрый молодец,
Ты заездна-залетна да точно птиченька?
Ты за добрым ли ты за делом — за сватаньем,
Или биться приехал нынче, ратиться?»
Отвечает Добрыня да таковы слова:
«Я не биться бы приехал к тебе, не ратиться,
Бы за добрым делом бы нонь — за сватаньем
Бы на той бы на Маремьяне нынче Федоровны
За Ивана бы нынче за Горденовича.
Есть дайте ей ныне честью — берем с радостью,
Не даете нынь честью — возьмем нечестью».
И тут пошел бы царь да тут Черниговский
Ко своей-то он дочери любимой:
«От приехал бы теперь да добрый молодец
Да по имени Добрынюшка Никитич млад,

Он бы сватается на тебе нынь за Иванушка,
За Иванушка кабы теперь да за Горденовича.
Коли пойдешь ты честью — берут с радостью,
Не пойдешь ведь честью — берут нечестью».

Отвечает ему ведь нынче дочь любимая:
«Да не Иван поставил ныне плёночку,
Не Ивану бы попала в плёнку уточка,
Не запуталась утка не ему теперь —
Да попала ко Батую да ко Кайманову».

(Не хочет за его итти, за Батуя желат!)

И проходит ей да родной бабушка к Добрыне же,
Говорит тогда бы всё он да таковы слова:
«Не Иван-то ставил плёночку —
Ко Батую бы запуталась утка в плёночку».

Тут стоптал наш Добрыня да о кирпичат пол:
«Отдавайте-ко теперь честью, с радостью,
Не отдашь теперь — а сорву я голову!»

И пошел бы тут бы отец да сам проплакал же,
Говорит тогда он дочери любимой:
«Если дашь мне-ка веку долгого —
Походи-ко-ся теперь да нынче с радостью».

И снаряжали-суряжали да красну девицу,
То во золоте, во серебре не погнетсе,
И подводили тут Добрынюшке Микитичу.

Говорила тут нынь Маремьяна да нынче Федоровна:
«Не поеду я теперь с ним да на одном коне,
Мне давайте мне теперь да коня доброго».

Снарядили-обуздали тут коничка доброго,
А садилась бы Маремьяна да на добра коня,
И поехал наш Добрыня да ко белу шатру.

Он ведь ехал тут бы долго ли, коротко ли —
Маремьяны всё в умы да нехорошее.

Прижимала нынче своего коничка доброго,
Она хочет у Добрыни разбити голову,
Да наехала на Добрынюшку да во первой након —
Она съездила Добрыне да его по плечам.

Тут ответ держал Добрынюшка Микитич млад:
«Думал, во поле нынче да комаров-то нет,
А комар меня кусает али муха ли».

А наехала она да во второй након —
Она стукнула Добрынюшку Микитича
По его ли по буйной нынь головы.
Говорит тогда Добрынюшка ей таковы слова:
«Ты еще ли будешь шутить да ныне шуточки?»
Осердился тут Добрынюшка да теперь сильно же,
И схватил бы ныне ей да со добра коня,
Отпустил бы у ей коня да во чисто поле,
Потащил ее Добрыня ко белым шатрам.
Подъезжает он теперь да ко белу шатру:
«Ты ставай-ко-ся, Иван сударь Горденович,
Я тебе бы нынь привез да богосужену,
Богосужену ныне, да богоряжену».
Тут выскакивал Иван сударь Горденович
В одной беленькой рубашке да в одних чоботах
И брал-то Маремьяну да за белы руки,
Целовал тут Маремьяну да в уста сахарные,
И заводил бы Иван в шатер белополотняный.
И тут пошел у них бы пир да нынь на весь мир.
Пировали-столовали да трое суток,
На четвертые-ти сутки да пробужались,
Тут ставал бы Иван сударь Горденович:
«Не пора ли нам ехать да в путь-дорожечку?»
Ну, суряжались-снаряжались добры молодцы,
Убирали бел-полотняный шатер,
Поезжали ребята да нынь во стольный град,
И отправились ребята да нынь в стольный град.
Тут поехала Маремьяна тут с Иванушкой,
Со Добрынюшкой Микитичем удалым,
Со старым нынь казаком Ильей Муромцем
И со всей теперь дружиною хороброю.
Они ехали тут долго ли, коротко ли —
Перепаала им дорожечка кровавая,
Да кровавая дорожка, да поперечная,
Пропустил бы эту нынь дорожечку кровавую
Да Батуй же теперича Кайманович.
(Волшебник был, так знал, что ее увезли-то!)
И тут здумалось Иванушку изведати,
Да дорожку бы эту попроведывать:

«Еще по этой съезжу нонь дорожечке
Еще с той же Маремьяной нынче Федоровной».
Становили тут ребята да коней добрых,
Говорили бы ребята да таковы слова,
Говорил бы старой нынь Илья Муромец:
«Ты напрасно поезжаешь во чисто поле
Еще с той же с Маремьяной нынче Федоровной.
Ты поедем-ко-ся с нами да во стольный град,
Ты поедем-ко нынь ты с нами же:
Ты поедешь нынь, Иван, да ты в дорожечку —
Потеряешь ты, Иван, нынь буйну голову.
Ты свежи-ко-ся-ко ты да молодую жену,
Воротися нынь, Иван, в свою родну сторону».
Как не слушает Иванушка да Горденович:
«Я надеюсь нынь на силу богатырскую,
А еще на копье бы бурзомецкое,
Я изведаю дороженьку кровавую!»
Говорит еще старой да Илья Муромец:
«Ты послушай еще нас да во второй након,
Потеряешь ты, Иван, нынь буйну голову».
Там поехал ведь удалый добрый молодец,
Распрощались, разъезжались да добры молодцы.
Говорил еще старой да все наказывал:
«Когда будешь ты топерича ты на времени,
Расставаться будут очи да со белым светом,
Еще спомяни хошь нас топерича с Добрынюшкой,
Да с Добрынюшкой теперича с Микитичем».
Распростились, разъезжались добры молодцы:
Те поехали ребята да нынь во стольный град,
А Иванушка поехал да во чисто поле
Со своею он теперь да с молодой женой.
Они долго ли тут ехали, коротко ли,
Там-от видит он: о полюшке шатер стоит,
Тут шатер стоит да чернobarхатный,
Тут лежит бы собака, змея лютая,
Что Батуй лежит теперь да он Кайманович.
Подъезжал тогда Иван сударь Горденович:
«Ты ставай-ко, ворона да пустопёрая,
Мы теперича с тобой да поотведаемся!»

Тут скакал бы нынь детина, да добрый молодец,
Тут скакал же теперь да на добра коня.
Разъезжались, разлетались добры молодцы;
Соезжались удалы да добры молодцы —
Кабы палицы бueвы да изломалисе,
А копейца бурзомецкие да изогнулисе,
Ихни сабли нынче востры да исщербалисе.
Тут скакали ребята на сыру землю,
Они бились теперь да в рукопашный бой —
Как Батуя бы теперь рука промахнуласе,
Да бы левая нога его подвернуласе,
Тут бы пал он нынь, собака, да на сыру землю.
И заходил тогда Иван да на черны́ грудí,
Он хочет нынь пороть его груди черные,
Он хочет мешать да кровь с печенью.
Говорит тогда Батуй да сын Кайманович:
«Ты нынь ой еси, Маремьяна да нынче Федоровна!
Почему же ты пошла да за чуженина?
У его-то будешь жить ныне работницей,
У меня-то будешь жить да нынь царицею.
Пособи-ка мне стряхнуть его да со своей груди!»
Вот послушалась Маремьяна да нынче Федоровна,
Пособила стянуть туда Иванушка,
Да Иванушка теперича Горденовича,
То й запутала Ивана во шелкóвы повода.
Говорит Батуй-собака да таковы слова:
«Не ссекем бы у его да буйну голову?»
Говорит Маремьяна да таковы слова:
«Мы привяжем его да ко сыру дубу,
Мы бы лягем-ка с тобою во черлен шатер,
Мы откроем мы теперь двери на́полу,
Тогда мы будем мы с тобой да обниматисе,
Да над ним бы мы будем изгилятисе,
Ему тошно тут буде, да и смерть придет».
Тут послушался Батуй да сын Кайманович,
Привязали его тут во путы шелковые,
Как о те же пеньки о ядрёные,
Привязали его, добра бы молодца,
Тут улеглися они спать они двоими-на́двое.

Тут Иванушка глазами-то что посматриват,
Уж как они любят-ся-целуются.
Тут Иванушка тогда да осержается,
У его тут дуб да потрясается —
Он не может он сорвать да пеньки ядреные.
Как бы стал он прощаться да со белым светом,
Он и хочет расставаться нын с своим веком.
Ему пало бы на ум да в уме-разуме,
Поминает он Добрынюшку Микитича,
Поминает он Илеюшку ведь Муромца:
«Говорили они мне-ка бы, наказывали».
От немного тут поры да миновалосе —
Прилетают к нему два черных ворона.
Как сядились бы они да на тот же дуб,
Где Иванушка тепер да привязаный,
Они стали, вороны, да се раскуркивать,
Они зачали, вороны, и пограивать,
Не дают бы Батую спать с молодой женой.
Тут Батуй бы нын да осержается,
От молодой бы жены он да пробуждается,
Он берет бы в руки да нынче тугой лук,
Тут накладыват Батуй да калену стрелу,
Он и хочет бы стрелить да черных воронов.
Натянул-то он теперича тугой лук,
Он и стрéлил бы тепер да каленой стрелой.
От их бы, от воронов, стрелка обратиласе
Да собаке бы Батую в грудь да тут вразиласе.
Тут Батую теперича и смерть пришла.
Она ходит ноне, Маремьяна молода жена,
Она плачет сколь ноне — да умер муж,
Еще того боле плачет да у жива мужа.
Говорит тут Иван сударь Горденович:
«Отпусти ты, Маремьяна нынче Федоровна,
Я тольки тебе дам нын поученьице,
Поученьице теперича великое,
Поученьице теперича как бы мужево».
Сколько плакала, не плакала Маремьянушка,
Да заставил отвязать тогда Иванушка.
Тогда бы наш Иван да говорил таковы слова:

«Теперь дам тебе я да поученьице,
Поученьице великое да как бы мужево».
И раздумался Иван сударь Горденович,
Он раздумался теперь да о своем уме:
«Не позволю я теперь ей да нынь во стольный град».
Тут поехали они долго ли, коротко ли —
Захотел тогда Иванушка воды испить теперь.
«Ты сойди-ка, Маремьяна да нынче Федоровна,
Почерпни-ко-сь воды мне-ка ключевой,
Я хочу напиться да холодной воды!»
Да не сходит Маремьяна да со добра коня:
«Ты не хочешь, видно, спить воды ключевой,
Только хочешь испить моей крови горячеей».
Сколько времечка она тут да отпираласе —
Всё слезала да Маремьяна да нынче Федоровна,
Подала она ему воды да ключевой,
Он и выпил теперь воды холодной,
Он и взял бы нож себе булатен же,
Он и взял ее теперь да за белы́ руки,
Он обрезал у ей теперь уста сахарные,
Он обрезал у ей руки нынче белые:
«Ты с поганыим татаринoм нынь да целоваласе,
Ты с поганыим татаринoм нынь да обнималасе,
Ты с поганыим татаринoм нынь да оплеталасе!»
Он обрезал у ей нынь да по колен ноги,
Он и выкопал могилу ей глубокую,
Позарыл ей теперь да по белой груди.
Долго ли он жил теперь, коротко ли —
Посадила нынче утка ей гнездо на голову.
Тут повадился теперича да серый волк,
Уж и съел бы он да ныне молодую жену.
Он тогда только поехал нынь во Киев-град.
Он и ехал еще долго ли, коротко ли,
И приехал нынь Иванушко во стольный град,
Тут сидят бы бояра на честнóм пиру,
Проздравляют тут Иванушка да с молодой женой:
«Ты здоров, Иван, женился, нынче не с кем спать!»

(Зап. Колпаковой Н. П.: 10 авг. 1956 г., д. Калюши Нарьян-Марского р-на — от Пономарева Андрея Федоровича, 72 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.